

Вера и знание

Опубликовано:
Христианское чтение. 1888. № 5-6. С. 533-555.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Вѣра и знаніе ¹⁾

(Продолженіе).

V.

Теорія Дарвина о происхожденіи человѣка.

Ни одна изъ провозглашаемыхъ матеріалистами доктринъ не обнаруживаетъ съ большею очевидностью, чѣмъ дѣлаетъ это дарвинизмъ, того злоупотребленія именемъ науки, посредствомъ котораго матеріализмъ старался и старается ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе и повліять на убѣжденія толпы. Если бы эта, надѣлавъ только шуму, теорія проповѣдывалась въ томъ видѣ, въ какомъ она была формулирована и предложена ея авторами, то всякое изслѣдованіе и обсужденіе ея должно было бы ограничиваться исключительно областью естествознанія, и сама она, эта теорія, никогда не пришла бы въ столкновеніе съ религіозными воззрѣніями человѣчества. Но къ сожалѣнію, въ дѣйствительности судьба дарвинизма была не такова: изуродованный и искаженный матеріалистами, онъ сталъ въ настоящее время центромъ, вокругъ котораго группируются всевозможныя антирелигіозныя бредни и измышленія.

Развивая мнѣніе, высказанное въ древности Анаксимандромъ, Ксенофаномъ колофонскимъ и Эмпедокломъ, ботаникъ Лаваркъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, утверждалъ, что различныя виды живыхъ существъ, съ ихъ характерными особенностями, не возникли

¹⁾ «Хр. Чтен.» 1888 г. № 1—2.

«Христ. Чтен.», № 5—6, 1888 г.

одновременно, но что сначала появились лишь болѣе простые виды, изъ которыхъ уже впоследствии, путемъ скрещиванія особей и взаимодействія породъ, развились типы болѣе сложныхъ организмовъ. Эти соображенія Ламарка, въ послѣднiе года, снова всплыли на поверхность, благодаря изслѣдованiямъ и наблюденiямъ двухъ англiйскихъ естествоиспытателей, Уоллеса и Чарльза Дарвина, и сдѣлались предметомъ серьезныхъ и глубокихъ научныхъ изысканiй. Однако, какъ Ламаркъ, такъ и Уоллесъ и Дарвинъ—предлагали свои воззрѣнiя исключительно лишь въ качествѣ простыхъ гипотезъ, требующихъ серьезной разработки и нуждающихся въ научномъ подтвержденiи; обнародывая свои соображенiя и предположенiя, они добивались лишь того, чтобы обратить на нихъ вниманiе естествоиспытателей и вызвать послѣднихъ на работу въ определенномъ направленiи. Но ни Ламаркъ, ни Уоллесъ, ни Дарвинъ никогда не утверждали, что будто бы первыя проявленiя животнаго царства на землѣ возникли автоматически, самопроизвольно.

Напротивъ того, Ламаркъ положительно признавалъ безумными тѣхъ, которые рѣшаются смѣшивать или отождествлять природу съ Творцомъ, а Уоллесъ считалъ невозможнымъ самопроизвольный метаморфозъ низшаго животнаго бытiя и подъемъ его до степени человѣческаго мышленiя и нравственности, безъ содѣйствiя „высшей сверхъестественной Силы, направляющей человѣческой родъ къ особенной определенной цѣли“. Что же касается Дарвина, то онъ открыто протестовалъ противъ увлеченiя тѣхъ личностей, которыя изъ его гадательной, гипотетической теорiи выводили тѣ или иныя заключенiя въ пользу атеизма. „Я не вижу причины, говорилъ великiй натуралистъ, почему бы мои воззрѣнiя могли скандализовать религiозное чувство человѣка. Величiе творчества именно въ томъ и выражается, что всѣ разнообразнѣйшiе виды, составляющiе животное царство земли, произошли отъ одного или нѣсколькихъ существъ, одаренныхъ Творцомъ безграничными и поразительно производительными силами. Одинъ благочестивый клирикъ и въ тоже время серьезный писатель говорилъ мнѣ: „Только теперь, мало по малу, я понялъ, что, допуская, что Творецъ

создалъ всего лишь нѣсколько прототиповъ, одаренныхъ способностью сами собою, путемъ развитія, образовать всѣ прочіе существующіе виды, — я получаю не менѣе возвышенную идею о Божествѣ, чѣмъ вѣрю, что Создатель, для осуществленія своихъ творческихъ предназначеній, долженъ былъ прибѣгнуть къ послѣдовательному ряду отдѣльныхъ актовъ творчества“. — Съ своей стороны, Асса Грау, одинъ изъ наиболее видныхъ приверженцевъ Дарвина, посвятилъ особую монографію доказательству того положенія, что между дарвинизмомъ, съ одной стороны, и религіозными убѣжденіями о творествѣ, съ другой, нѣтъ и не можетъ возникнуть никакихъ коллизій. „Гипотеза Дарвина касается лишь порядка жизненныхъ явленій и вовсе не затрагиваетъ вопроса о производящей ихъ причинѣ. Если бы было доказано, что всѣ эти явленія создались путемъ и въ силу развитія первоначальныхъ, прототипическихъ представителей жизни и изъ постепеннаго видоизмѣненія, то неизмѣнная гармонія, существующая въ каждый данный моментъ между органическимъ міромъ и всѣми новыми проявленіями жизненнаго начала, лишь болѣе подтверждала бы мысль о предбытіи плана (творенія) и Творца“¹⁾.

Иначе взглянули на дѣло германскіе поклонники Дарвина. Въместо того, чтобы, какъ слѣдовало, заняться естественнонаучными изслѣдованіями и наблюденіями, способными такъ или иначе пролить свѣтъ на предложенную англійскимъ мыслителемъ гипотезу, они, въ своемъ вакхическомъ увлеченіи повинкой, приняли простое предположеніе за вполне и положительно доказанную истину и, потому, исказивши и изуродовавши оное, низвели научную гипотезу на степень матеріалистической доктрины, на основаніи которой, вслѣдъ за тѣмъ, рѣшились открыто провозгласить безумную бредню о самопроизвольномъ возникновеніи жизни и требовать общаго признанія ея, взаимѣнъ истинной идеи о творествѣ, которой никогда не отвергали и сами виновники возрожденія дарвинизма²⁾.

¹⁾ Assa Gray, *Natural selection not inconsistent with natural theology*, London, 1861.

²⁾ *Revue scientifique*, 30 septembre, 1882.

И дѣйствительно, между тѣмъ какъ самъ Дарвинъ прямо предостерегалъ своихъ сторонниковъ отъ излишняго увлеченія и совѣтовалъ имъ не слушаться заманчивыхъ внушеній воображенія и не придавать болѣе чѣмъ слѣдуетъ важности и значенія его теоріи, какъ далеко не вполне подтверждаемой безспорными и положительными фактами, — нѣкоторые изъ прозелитовъ англійскаго ученаго не только провозгласили его гипотезу за абсолютную истину, но пошли еще дальше и предложили замѣнить ею въ школьныхъ программахъ преподаванія религіозное ученіе о сотвореніи міра. Дарвинъ высказалъ лишь гадательное предположеніе, въ формѣ простой гипотетической вѣроятности, что человѣкъ и обезьяна могли произойти отъ одного и того же первичнаго вида, но самъ онъ, на каждомъ шагѣ, открыто признаетъ недостаточность логическаго обоснованія своихъ положеній; а Геккель уже взялся опредѣлить съ математическою точностью всѣ стадіи въ процесѣ происхожденія человѣка отъ низшаго животнаго организма и, съ этою цѣлью, выдумалъ даже цѣлое родословное дерево, которое самими сторонниками дарвинизма признается смѣшною ребяческою затѣей. Но важнѣе всего то, что личности, такъ грубо искажающія теорію Дарвина, не только расширили ее на всю область жизни, вплоть до первоначальныхъ моментовъ ея появленія на землѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, проповѣдуютъ, что будто бы и самый прототипъ, т. е. та протоплазма, отъ которой произошло все животное царство, — что будто бы и этотъ прототипъ, въ свою очередь, возникъ тоже самопроизвольно, въ нѣдрахъ моря, въ формѣ животнорастенія, отъ котораго со временемъ произошли рыбы, эти родоначальники амфибій и пресмыкающихся, изъ коихъ послѣдовательно развились различные виды птицъ, млекопитающихъ, обезьянъ и, наконецъ, человѣкъ.

Изложеніе и разборъ всѣхъ дѣтски-наивныхъ измышленій о самопроизвольномъ зарожденіи жизни мы откладываемъ до слѣдующаго этюда. Въ настоящее же время мы предполагаемъ заняться гипотезой Дарвина, указать вкратцѣ ея сущность и содержаніе и, затѣмъ, остановиться на анализѣ нѣкоторыхъ физическихъ законовъ

и ряда фактовъ, доказывающихъ всю несостоятельность этой гипотезы, въ смыслъ научной истины.

1. Основа Дарвинизма.

Все зданіе гипотезы Дарвина покоится на одномъ силлогизмѣ, построенномъ, въ свою очередь, на слѣдующемъ фактѣ.

Спеціалистамъ, занимающимся прирученіемъ и воспитаніемъ животныхъ, удается, путемъ соотвѣтствующаго подбора и скрещиванія породъ, искусственно развивать въ отдѣльныхъ индивидуумахъ различныхъ животныхъ тѣ или инныя органическія особенности и уклоненія отъ нормы, которыя, затѣмъ, передаваясь наследственно потомкамъ подобныхъ особей, упрочиваются, создавая, такимъ образомъ, безчисленныя разновидности овецъ, быковъ, лошадей, голубей, собакъ и т. д. — и, притомъ, разновидности совершенно новыя, ранѣе вовсе не существовавшія. Такъ, напримѣръ, скотоводъ выбираетъ изъ стада овецъ пару особей, самца и самку, имѣющихъ широкій хвостъ, и, скрещивая ихъ, равно какъ и ихъ потомковъ, искусственно образуетъ новую, до того не существовавшую, разновидность овецъ, — фактъ, возможный лишь благодаря тому, что особенности родителей наследственно передаются ихъ потомкамъ. Такимъ путемъ создалось 150 разновидностей голубей, 180 различныхъ породъ собакъ и т. д. Этотъ фактъ доказываетъ слѣдующія два положенія: во-первыхъ, что въ природѣ существуетъ общая тенденція къ видоизмѣненію животныхъ породъ и къ уклоненію отъ первоначальныхъ особенностей, которыми характеризовались родоначальники каждой данной породы, и что, во-вторыхъ, подобныя уклоненія, разъ проявившись, впоследствии фиксируются въ потомкахъ представляющей уклоненіе особи, передаваясь имъ отъ послѣдней по наследству.

На указанномъ фактѣ Дарвинъ и основалъ свою теорію. Скотоводъ, выбирая лучшихъ особей изъ среды данной породы и случая ихъ, упрочиваетъ ихъ лучшія особенности, дѣлая послѣднія, путемъ систематическаго скрещиванія, наследственными, и, такимъ образомъ, облагораживаетъ, улучшаетъ (или видоизмѣняетъ) породу по своему усмотрѣнію,сообразно преслѣдуемой имъ цѣли. „Если же

человѣкъ, при помощи подбора и другихъ искусственныхъ мѣръ, въ состояніи добиться столь серьезныхъ результатовъ, то чего не можетъ сдѣлать природа, на почвѣ чисто естественнаго, произвольнаго подбора?—Я полагаю, что весь животный міръ произошелъ отъ четырехъ или пяти прародителей (прототиповъ). Быть можетъ, по аналогіи, можно было бы сдѣлать еще шагъ впередъ въ томъ же направленіи и признать, что всѣ животныя происходятъ отъ одного примитивнаго типа, отъ одной протоплазмы. Но подобная аналогія, во всякомъ случаѣ, была бы слишкомъ смѣлою. Того, что человѣку удается, благодаря, такъ называемому, искусственному подбору, того природа достигаетъ при помощи подбора естественнаго (Natural selection). Въ средѣ животныхъ замѣчается борьба за существованіе—борьба, въ которой одни животныя переживаютъ, другія же погибаютъ, такъ какъ не всѣ они въ состояніи одинаково обезпечивать себѣ пропитаніе, и часто одни изъ нихъ идутъ на пищу другимъ. Конечно, въ этой борьбѣ за существованіе побѣдителями оказываются особи наиболѣе сильныя, наиболѣе надѣленныя природою необходимыми для борьбы качествами. А такъ какъ въ живыхъ остаются лишь наиболѣе сильныя, передающіе присущія имъ индивидуальныя особенности и своимъ потомкамъ, то, благодаря этому, возникаютъ новыя отклоненія отъ первоначальныхъ типовъ и всевозможныя разновидности, изъ которыхъ, затѣмъ, виды и породы образуются тѣмъ самымъ путемъ, которымъ, въ миньютюрѣ, и человѣку удается разнообразить типы воспитываемыхъ имъ животныхъ“.

Такова, въ сущности, гипотеза Дарвина. Но, разъ она вся построена на одной лишь аналогіи, то прежде всего возникаетъ вопросъ: если человѣкъ, путемъ искусственнаго подбора, добивается различныхъ видовымѣненій животныхъ породъ, то развѣ изъ этого необходимо слѣдуетъ, что и природа должна дѣйствовать въ томъ же направленіи, на почвѣ, такъ называемаго, подбора естественнаго?—Выяснимъ, съ самаго начала, это основное недоразумѣніе, возбуждаемое гипотезой Дарвина.

Часто человѣкъ, приѣняя къ дѣлу изобрѣтаемыя имъ средства или орудія, и руководствуясь методами, созданными на осно-

ваніи опыта либо въ силу тѣхъ или иныхъ научныхъ соображеній, — часто человекъ, давая естественнымъ силамъ природы определенное, по своему усмотрѣнію, направленіе вызываетъ такіе результаты проявленій физическихъ законовъ, какихъ природа автоматически, сама собою, не производитъ никогда. Такъ, глядя на остатки древняго храма, обелиска или другого какого-либо памятника сѣдой старины, мы даже не зная ни ихъ исторіи, ни времени ихъ возникновенія, тѣмъ не менѣе, можемъ рѣшить, не задумываясь, что они — дѣло творческой мысли и рукъ человека. Если намъ скажутъ, что и природа, дѣйствуя постепенно, на протяжении многихъ столѣтій, путемъ медленнаго наслоенія и сочетанія атомовъ вещества, могла создать этотъ памятникъ или этотъ обелискъ, — то мы, безспорно, не будемъ въ состояніи опровергнуть такое предположеніе, не назовемъ его физически невозможнымъ, но, вѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и не рѣшимся принять его; мы отвергнемъ подобную гипотезу, основываясь на томъ фактѣ, что, какъ показываетъ наблюденіе, люди воздвигаютъ здания и памятники, но еще никто никогда не видалъ, чтобы и природа, подобно человеку, соорудила храмы и обелиски, — что человекъ, при помощи различныхъ искусственныхъ мѣръ и подбора породъ, можетъ достигнуть и дѣйствительно достигаетъ видоизмѣненія типа и органическихъ особенностей животныхъ, — это безспорный фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но дѣйствовала ли такимъ же образомъ и природа? Представляетъ ли она какія-либо данныя естественнаго подбора? И таковъ ли этотъ естественный подборъ, что, благодаря ему, одинъ животный видъ постепенно превращался въ другой? — Вотъ вопросы, для положительнаго отвѣта на которые мы никогда не видали въ природѣ ни одного примѣрнаго случая, и дарвинисты не въ состояніи указать намъ ни одного факта, который бы свидѣтельствовалъ, что природа, въ видахъ измѣненія органическихъ типовъ, дѣйствовала помощью естественнаго подбора, подобно тому, какъ человекъ, въ видахъ той же цѣли, прибѣгаетъ къ подбору искусственному. А если такъ, то очевидно, что гипотеза, построенная лишь на примѣрѣ волевого акта человеческой дѣятельности, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было положительныхъ

фактовъ, доказывающихъ, что и силы природы, сами собою, дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, что и сознательная воля человека, — очевидно, что, при этомъ условіи, подобная гипотеза представляется лишенной всякаго разумнаго основанія и, слѣдовательно, должна быть признана логически вполне несостоятельной.

Но мало этого. Ужъ если гипотеза Дарвина покоится на одномъ лишь силлогизмѣ, построенномъ по аналогіи на основаніи одного лишь факта изъ области человѣческой дѣятельности, то очевидно, что подобная аналогія отнюдь не должна выступать за предѣлы лежащаго въ ея основѣ факта. Не нарушаетъ ли дарвинизмъ этого необходимаго логическаго требованія? — Несомнѣнно, что человѣку, при помощи тѣхъ или иныхъ искусственныхъ мѣръ, удастся видоизмѣнять характерныя органическія особенности отдѣльныхъ особей данной породы и, такимъ образомъ, создавать безчисленныя разновидности животныхъ породъ: но, на ряду съ этимъ, человеку еще никогда не удавалось измѣнить самый видъ и добиться произведенія птицъ отъ рыбъ, овецъ отъ коровъ или зайцевъ отъ собаки. Однако, по гипотезѣ Дарвина, въ силу естественнаго подбора создались не только однѣ разновидности, но и всѣ существующіе виды животнаго царства, благодаря тому же подбору, произошли отъ четырехъ или даже, быть можетъ, только отъ одной протоплазмы, отъ одного первобытнаго организма-типа. Будучи такимъ образомъ расширена, гипотеза эта представляется не только лишенною какихъ бы то ни было доказательствъ въ пользу возможности автоматическаго измѣненія видовъ, на почвѣ естественнаго подбора, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно теряетъ и свою послѣднюю опору, т. е. приводимое въ подкрѣпленіе ея соображеніе по аналогіи, такъ какъ людямъ еще никогда не удавалось добиться произвольнаго измѣненія хотя бы одного животнаго вида въ другой. — Этотъ послѣдній фактъ тѣсно связанъ съ рядомъ коренныхъ вопросовъ о измѣняемости или неизмѣняемости видовъ и о функціяхъ физическихъ законовъ въ отношеніи передачи жизни, — вопросовъ, къ анализу которыхъ мы и приступаемъ, въ надеждѣ, что намъ удастся изложить вполне общедоступно нѣсколько основныхъ соображеній, въ корнѣ разбивающихъ гипотезу Дарвина.

2. Передача жизни и управляющие ею законы.

Наблюдая и изучая данные, касающіяся передачи жизненнаго начала, мы, прежде всего, констатируемъ одинъ фактъ, настолько же важный, насколько и очевидный для всѣхъ и каждаго — какъ для глубокомысленнаго ученаго, такъ и для совершеннаго неуча, — именно, тотъ фактъ, что земля населена безчисленнымъ множествомъ животныхъ существъ, отличающихся одно отъ другого внѣшнимъ видомъ, органическими качествами и инстинктами, но подчиненныхъ, всѣ въ одинаковой мѣрѣ, однимъ и тѣмъ же непреложнымъ и неизмѣннымъ законамъ природы, поддерживающимъ въ средѣ неизмѣнимаго разнообразія видовъ надлежащую гармонію и строго охраняющимъ какъ неприкосновенность границъ, въ предѣлахъ которыхъ природою заключенъ каждый данный видъ, такъ и неизмѣняемость присущихъ каждому типу характерныхъ особенностей.

Существуютъ классы (породы) животныхъ, взаимно схожихъ между собою внѣшнимъ видомъ, анатомическимъ строеніемъ органовъ и инстинктами и, сверхъ того, представляющихъ равнымъ образомъ взаимную между собою физиологическую связь, выражающуюся въ томъ, что случка двухъ подобныхъ особей достигаетъ своей естественной цѣли, т. е. оплодотворенія самки, не смотря на то, что она и самецъ принадлежатъ къ двумъ различнымъ, лишь взаимно схожимъ, но не тождественнымъ породамъ. Каждая группа такихъ животныхъ породъ, особи которыхъ способны взаимно оплодотворять другъ друга, и составляетъ отдѣльный видъ. Всѣ овцы и бараны принадлежатъ къ одному и тому же особому виду не только потому, что они по внѣшности похожи другъ на друга, но и потому, что ихъ случки между собою оплодотворяютъ самокъ, которыя производятъ на свѣтъ новыхъ особей, подобныхъ своимъ родителямъ. — Такимъ образомъ, съ одной стороны, сходство анатомическаго строенія и внѣшняго вида между отдѣльными индивидуумами, а, съ другой, плодотворность случки двухъ особей, хотя и не принадлежащихъ къ одной и той же породѣ, — вотъ тѣ два

характерные признака, по которымъ одинъ животный видъ отличается отъ другого.

Первый феноменъ, сразу бросающійся въ глаза при изученіи явленій передачи жизненнаго начала, выражается въ томъ неизмѣнномъ сходствѣ, которое наблюдается между дѣтенышами и ихъ родителями, въ отношеніи наиболѣе существенныхъ, преобладающихъ, родовыхъ признаковъ. Это сходство между отдѣльными особями одного и того же вида никогда не бываетъ совершенно полнымъ; напротивъ того, между ними постоянно замѣчаются индивидуальныя особенности какъ во внѣшнемъ видѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ свойствахъ, и часто подобныя особенности, благодаря непрерывной наследственной передачѣ, настолько упрочиваются и бывають настолько рѣзко выражены, что образуютъ даже цѣлую особую разновидность, въ предѣлахъ того вида, гдѣ онѣ возникли и развились. Природа слишкомъ эластична и не ставитъ никакихъ преградъ ни вліяніямъ мѣста и климата, ни сознательнымъ усиліямъ человеческой воли, по скольку они, эти вліянія и усилія, тяготеють къ видоизмѣненіямъ внѣшности, величины и даже природныхъ инстинктовъ и органическихъ особенностей отдѣльных особей даннаго вида, — потому то и число животныхъ разновидностей такъ неизмѣримо велико. Но что касается взаимнаго физиологическаго сродства особей одного и того же вида, то здѣсь природа непреклонна и не допускаетъ никакихъ отступленій отъ нормы; это сродство она всегда ревниво охраняетъ, повелительно требуя его неизмѣнности и неприкосновенности. Между нью-фаундлендской собакой и *charles-dogs*’омъ такая громадная разница какъ въ отношеніи величины и кожи, такъ и въ отношеніи ихъ внѣшняго вида и ихъ врожденныхъ инстинктовъ! И, однако, ихъ случка представляется, тѣмъ не менѣе, вполне естественнымъ актомъ и всегда ведетъ къ оплодотворенію сажки. — Вообще говоря, границы, въ предѣлахъ которыхъ возможны разнообразнѣйшія варіаціи и метаморфозы анатомическаго строенія одного и того же вида, безпредѣльно широки; но центральный видовой признакъ, выражающійся въ плодотворности случекъ между особями, принадлежащими къ различнымъ, такимъ образомъ создавшимся, разновидностямъ, —

этотъ признакъ всегда остается устойчивымъ и неизмѣннымъ, совершенно не поддаваясь ни противодѣйствующимъ вліяніямъ, ни какимъ бы то ни было усиліямъ подорвать его господствующую роль въ природѣ. — Здѣсь, кстати, приведемъ нѣкоторые факты, иллюстрирующіе этотъ основной физическій законъ, благодаря которому въ средѣ животнаго царства поддерживается постоянная гармонія, подобно тому, какъ гармонія небесныхъ тѣлъ покоится на законахъ притяженія и тяготѣнія.

Пользуясь безграничною эластичностью природы, допускающей разнообразнѣйшія видоизмѣненія морфологическихъ свойствъ животныхъ, человекъ искусственно образовалъ такіа разновидности отдѣльныхъ видовъ, что часто можно встрѣтить особей, которыя по внѣшности гораздо менѣе похожи на другихъ особей того же вида, чѣмъ на особей, принадлежащихъ къ другому виду, подчасъ совершенно имъ чуждому. Такъ, сравнивая между собою нѣкоторыя изъ существующихъ ста пятидесяти разновидностей голубей съ дикими голубями, просто не вѣрится, чтобы и тѣ, и другіе принадлежали къ одному и тому же животному виду. Да и вообще, естествоиспытатели, въ особенности приверженцы Дарвина, которые, естественно, относятся къ настоящему вопросу съ исключительнымъ вниманіемъ, добились, въ этомъ отношеніи, поразительныхъ результатовъ, получивши, путемъ искусственнаго скрещиванія животныхъ, характерные экземпляры просто невѣроятныхъ уклоненій отъ первоначальныхъ типовъ. Но, за то, всѣ попытки натуралистовъ такъ или иначе прервать фізіологическую связь между отдѣльными особями одного и того же вида—постоянно оказывались до сихъ поръ тщетными и еще ни разу не увѣнчались успѣхомъ. Два голубя, самецъ и самка, двухъ совершенно различныхъ породъ, отличающихся одна отъ другой и внѣшнимъ видомъ, и величиною, и природными инстинктами, и строеніемъ органовъ летанія, — два такихъ голубя, будучи приведены въ изолированное отъ прочихъ однородныхъ особей сопрیکосновеніе другъ съ другомъ, не смотря на все свое несходство, все-таки случаются, при чемъ самецъ всегда оплодотворяетъ самку, — что касается самого Дарвина, то онъ, съ полною откровенностью, призналъ глубокую истину, скрытую въ этомъ,

въ высшей степени важно, фактъ. „Мнѣ неизвѣстно, писалъ великій мыслитель, ни одного случая, въ которомъ случка особыхъ разновидностей одного и того же вида домашнихъ животныхъ оказалась бы бесплодною. А это, въ самомъ дѣлѣ, очень удивительно, если принять во вниманіе безчисленное множество существующихъ разновидностей голубей, свиней, собакъ и птицъ“.

Но мало этого. Природа какъ бы предвидѣла возможность незаконнаго вторженія челоуѣка въ сферу ея дѣятельности и его насильственныхъ попытокъ разорвать физиологическую связь между особями, происходящими отъ однихъ и тѣхъ же прародителей, и, желая гарантировать неизмѣняемость и несмѣшиваемость видовъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы стараясь наглядно показать, что всякая попытка, направленная къ нарушенію этого закона, всегда останется тщетною и безрезультатною, — она, природа, устроила такъ, что случка особей одного и того же вида, но не одинаковой породы или разновидности, постоянно бываетъ болѣе плодотворна, чѣмъ случка животныхъ одной и той же разновидности и породы между собою. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе особи одного и того же вида уклоняются отъ основного типа и чѣмъ болѣе отличаются онѣ другъ отъ дружки въ отношеніи внѣшности, величины и органическихъ особенностей, — тѣмъ пропорціонально сильнѣе и прочнѣе физиологическое средство между ними и тѣмъ, соотвѣтственно этому, плодотворнѣе ихъ взаимная случка; а это, въ свою очередь, доказываетъ лишь, что указанное средство постоянно остается неизмѣннымъ, зорко охраняя единство вида среди неизмѣримаго разнообразія породъ и индивидуальныхъ отклоненій отъ типа.

Другой феноменъ — безплодіе, характеризующее случки особей различныхъ видовъ, — даетъ новое, хотя и въ иномъ направленіи, доказательство неизмѣняемости послѣднихъ и физической невозможности происхожденія одного вида отъ другого.

Выше мы указали на то, что челоуѣку еще никогда не удалось настолько удалить разновидность или хотя бы только отдѣльную особь отъ видового типа, чтобы сдѣлать бесплодною случку уклоняющихся отъ типа индивидуумовъ съ нормальными особями даннаго вида. Но за то, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, удается полу-

чить помѣсь различныхъ животныхъ видовъ, каковы, наприѣръ, помѣси осла и лошади, собаки и волка, зайца и кролика. Однако, и эти исключительные, аномальные случаи природа допускаетъ, какъ кажется, только для того, чтобы нагляднѣе доказать несмѣшиваемость и неизмѣняемость видовъ. Такъ, изъ помѣси осла и лошади получается ублюдокъ — мулъ; но этотъ новый животный типъ сохраняется всего лишь въ одномъ поколѣннн и, затѣмъ, безслѣдно исчезаетъ, будучи лишень способности производить себѣ подобныхъ. Правда, въ пѣкоторнхъ случаяхъ, подобные ублюдки, получающіеся отъ помѣси родственныхъ между собою видовъ, обладаютъ и способностью половому оплодотворенію и дѣтороженію, но, однако, и тутъ новые характерные признаки ублюдковъ либо вовсе не передаются ихъ потомкамъ, либо, въ лучшемъ случаѣ, никогда не идутъ дальше перваго поколѣннн, послѣ чего, уже во второмъ поколѣннн, всегда и неизмѣнно восстанавливается характерный типъ одного изъ двухъ видовъ, отъ помѣси которыхъ произошелъ ублюдокъ. Такимъ образомъ, въ случаяхъ плодотворной случки, отъ помѣси волка и собаки получается либо собака, либо волкъ, а помѣсь кролика съ зайцемъ даетъ жизнь или зайцу, или кролику.

Итакъ, съ одной стороны, устойчивость и неразрывность фізіологическаго сродства между отдѣльными особями одного и того же вида, а съ другой, абсолютная физическая невозможность добиться образованія какого-либо новаго вида, путемъ помѣси особей отдѣльныхъ видовъ—вотъ два біологическіе факта, несомнѣнные и очевидные, вполне достаточные для установки естественнаго закона неизмѣняемости и несмѣшиваемости видовъ. Впрочемъ, законъ этотъ подтверждается не только двумя указанными фізіологическими фактами и не только данными нашего собственнаго опыта; онъ представляетъ собою вѣковой законъ, неизмѣнно господствующій на протяженіи всей исторіи животнаго міра. Естественннсторическія сочиненія, доставшіеся намъ въ наслѣдіе отъ глубокой древности, ископаемые остовы животныхъ существъ, сохранившіеся древнія иластическія изображенія разныхъ животныхъ. наконецъ, египетскія муміи—даютъ намъ рядъ краснорѣчивѣйшихъ доказательствъ въ пользу принципа неизмѣняемости и несмѣшиваемости животныхъ

видовъ. Правда, геологическія изысканія удостовѣряютъ, что въ нѣдрахъ земли находили остатки такихъ, уже исчезнувшихъ, животныхъ видовъ, которыхъ болѣе уже не существуетъ на нашей планетѣ. Совершенно вѣрно! Но, однако, между ископаемыми остовами, никогда не было найдено ни одного такого, который доказывалъ бы возможность превращенія одного вида въ другой, или возможность происхожденія новаго типа отъ помѣси двухъ различныхъ видовъ, — а именно на этомъ, очевидно безъ всякаго права, и настаиваютъ дарвинисты. Животный видъ, конечно, можетъ вымирать и исчезать, но онъ никогда не переходитъ въ другой видъ. Это — законъ, безъ котораго была бы немислима такая чудная гармонія въ мірѣ животного царства, съ его безконечнымъ разнообразіемъ особей и видовъ.

Теперь сопоставимъ гипотезу Дарвина съ сейчасъ установленнымъ нами закономъ, управляющимъ, какъ мы видѣли, передачей жизненнаго начала. Положимъ, что на землѣ сначала появилась первая животная, ограниченная клѣточка, протоплазма, отъ которой, путемъ развитія, медленной эволюціи, должны были произойти всѣ животныя существа, вплоть до человѣка включительно. Была ли соведена эта протоплазма, эта органическая клѣточка какою-либо сверхъестественною силой, какъ думаютъ Ламаркъ, Уоллесъ и Асса Гау, или она возникла самопроизвольно въ нѣдрахъ моря, какъ полагаетъ Геккель, — это для насъ въ настоящее время безразлично, и мы откладываемъ анализъ этого вопроса до другого раза. Здѣсь же для насъ важнѣе вопросъ иного свойства, именно: могли ли изъ первой, уже возникшей такъ или иначе, органической клѣточки и въ силу одного лишь автоматическаго дѣйствія законовъ природы, могли ли изъ нея развиться и образоваться различные виды животныхъ? — Послѣ изложеннаго выше, не трудно видѣть, что подобная гипотеза отнюдь не въ состояніи выдержать маломальски серьезной критики, такъ какъ она, на первомъ же шагу, разбивается въдребезги о непоколебимую скалу физическаго закона, недопускающаго никакихъ уклоненій въ сторону отъ непреложнаго принципа несмѣшиваемости и неизмѣняемости животныхъ видовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если первый родоначальникъ животного цар-

ства, протоплазма, по своему анатомическому строению и органическим свойствамъ. была рыбой, то все происшедшіе отъ нея потомки, какъ бы неизмѣримо велико ни было ихъ число и какъ бы значительно не удалились они, въ отношеніи строения и образа, отъ первоначальнаго типа, должны были бы, тѣмъ не менѣе, постоянно и неизмѣнно сохранять взаимное между собою физиологическое сродство, т. е. обладать способностью взаимнаго оплодотворенія, которая, какъ мы видѣли выше, всегда является необходимымъ признакомъ происхожденія данныхъ особей отъ одного общаго родоначальника, не взирая на всякія возможные несходства ихъ между собою. Если, далѣе, предположимъ, что въ началѣ существовала не одна, а три—созданныя ли Творцомъ, или самопроизвольно возникшія — протоплазмы, то, и въ такомъ случаѣ, все происшедшія отъ нихъ живыя существа постоянно должны были бы сохранять одна и тѣже родовые признаки, унаслѣдованные ими отъ ихъ родоначальниковъ, такъ какъ изъ помѣсей этихъ протоплазмъ никогда не могъ бы образоваться новый, хоть сколько-нибудь жизнеспособный, видъ животныхъ, — таковъ неизмѣнный законъ природы.

Итакъ, сопоставляя фактъ существованія на землѣ различныхъ животныхъ видовъ съ установленнымъ нами физическимъ закономъ, лежащимъ въ основѣ всѣхъ явленій передачи жизненнаго начала, мы по необходимости приходимъ къ формулированію и признанію той несомнѣнной истины, что каждый животный видъ, съ самаго начала, могъ возникнуть и возникъ не иначе какъ уже въ совершенно законченной формѣ, со всѣми, характеризующими его, существенными родовыми признаками. Иначе не могло быть, такъ какъ происхожденіе одного вида отъ другого представляется физически невозможнымъ. Сказанное здѣсь о животныхъ существахъ вообще цѣликомъ относится и къ человѣку, который, въ свою очередь, могъ произойти первоначально только двоякимъ путемъ: либо онъ былъ созданъ, сотворенъ, либо автоматически, самопроизвольно возникъ въ лонѣ природы. Въ этихъ двухъ вѣроятностей немнимо никакое предположеніе. Одно изъ двухъ: человѣкъ — или плодъ творчества, или продуктъ автоматической игры физическихъ

силъ; либо то, либо другое, третья же гипотеза невозможна: *tertium non datur*. Помянутого, что уже сказано нами въ доказательство полнѣйшей абсурдности теоріи объ автоматическомъ возникновеніи живыхъ существъ вообще, спеціально вопросу о происхожденіи человѣка отъ обезьяны мы посвятимъ одинъ изъ ближайшихъ очерковъ, въ которомъ несостоятельность названной теоріи обнаружится съ еще большею очевидностью. Здѣсь же ограничимся лишь замѣчаніемъ, — на которое, въ виду всего изложеннаго выше, мы надѣемся, имѣемъ полнѣйшее право, — что гипотеза Дарвина, о происхожденіи человѣка отъ другого животнаго вида, представляется вполне неосновательной, такъ какъ она, прежде всего, стоитъ въ коренномъ противорѣчій съ неизмѣнными законами природы.

Однако, этотъ выводъ представляетъ собой лишь резюме цѣлаго ряда нашихъ соображеній, основанныхъ не болѣе, какъ на фактахъ и логикѣ простаго здраваго разсудка. Но интересно знать: можетъ ли быть признанъ опъ, этотъ выводъ правильнымъ и съ научной точки зрѣнія? Быть можетъ, біологіи извѣстны факты или истины, незнакомы неспеціалистамъ, не обладающимъ основательнымъ знаніемъ науки о жизни? И, быть можетъ, факты и истины эти не согласуются съ прямолинейными выводами здраваго разсудка, противорѣчатъ наивнымъ подчасъ соображеніямъ послѣдняго? Вопросъ, во всякомъ случаѣ, не праздный, и остановиться на немъ, хотя нѣсколько, слѣдуетъ уже по одному тому, что онъ, такъ сказать, невольно, самъ собою, напрашивается на вниманіе, когда становится лицомъ къ лицу съ такимъ невѣроятнымъ, непонятнымъ явленіемъ, каковымъ представляется выпавшая на долю дарвинизма роль въ общественной жизни цивилизованнаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли? Гипотеза, въ корни опровергаемая законами природы, такъ легко поддающимися констатированію и анализу; гипотеза, очевидно въ конецъ несостоятельная и лишенная всякихъ не только правдивыхъ, но и правдоподобныхъ основъ, — такая гипотеза принимается людьми науки, провозглашается ими за истину и, въ качествѣ таковой, проповѣдуются открыто и публично, внося смуту въ сознаніе народовъ и колебля ихъ религіозныя убѣжденія о творчествѣ!.. Не странно ли все это? Един-

ственное объясненіе подобному факту, очевидно, слѣдуетъ искать въ томъ, что, вѣроятно, предположеніе, кажущееся столь абсурднымъ здравому разуму профана, представляется не такимъ съ точки зрѣнія науки, которая, должно быть имѣетъ свои основанія считать его правильнымъ вопреки всѣмъ требованіямъ здраваго смысла.

Попробуемъ же узнать, какъ смотритъ наука на гипотезу Дарвина? Какую цѣну и значеніе придаетъ она ей?

Что касается самого Чарльза Дарвина, то онъ, съ полною откровенностью, призналъ, что натуралисты, которымъ наука преимущественно обязана своимъ нынѣшнимъ прогрессомъ, отказываются принять предложенную имъ гипотезу о послѣдовательномъ происхожденіи видовъ, одного отъ другого. Мы, съ своей стороны, не задумываясь, можемъ къ этому прибавить, что всѣ наиболѣе видные естествоиспытатели не только отказываются принять, но и прямо отвергаютъ гипотезу англійскаго мыслителя, какъ совершенно несогласную съ очевидными законами природы. Кювье, Агассисъ, Argyle, Brown, Reusch, Bulger, Вирховъ, Ваггауде, Meurichisson, Godron, Flourens и масса другихъ, совершенно согласно съ мнѣніемъ всѣхъ ученыхъ академій Европы и всѣхъ лучшихъ представителей зоологіи и естествознанія вообще, категорически отвергаютъ предложенную Дарвиномъ систему. „Я не могу согласиться, говоритъ Quatrefages, ни съ одной изъ доктринъ, настаивающихъ на постепенномъ происхожденіи животныхъ существъ, путемъ эволюціи, медленнаго развитія и метаморфоза видовъ, — не могу сдѣлать этого, поскольку всѣ подобныя ученія основываются на допущеніи измѣняемости и смѣшиваемости видовъ. Всѣ такія теоріи противорѣчатъ самымъ безспорнымъ физиологическимъ фактамъ и идутъ въ коренной разрѣзъ съ закономъ сохраненія неизмѣнности и несмѣшиваемости животныхъ видовъ, среди всѣхъ, когда-либо происходившихъ и нынѣ происходящихъ на землѣ, пертурбаціонныхъ явленій. Кто хочетъ оставаться вѣрнымъ наукѣ, тотъ необходимо долженъ признать существованіе и сохраненіе животныхъ видовъ за фактъ примитивный, не долженъ отъсекаться отъ данныхъ положительнаго знанія и отъ научныхъ истинъ, приобретенныхъ цѣною столькихъ серьезныхъ трудовъ и

•Христ. Чтен., № 5—6, 1888 г. 36

усилій, и приносить все это въ жертву гипотезъ—правда, очень остроумной, но, къ сожалѣнію, вполнѣ несостоятельной, въ виду столь очевидныхъ фактовъ“. Такъ отзываются о гипотезѣ Дарвина не только ученые, придерживающіеся религіознаго догмата о сотвореніи міра. Напротивъ того, многіе материалисты и естествоиспытатели, вичего и знать не желающіе о какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденіяхъ, принуждены были, въ концѣ концовъ, сознаться, что и на ихъ взглядъ гипотеза эта непримирима съ непреложными законами, управляющими передачею жизненнаго начала.

Извѣстный англійскій материалистъ Гексли, видя, что фактъ существованія жизни и ея появленія на землѣ составляетъ безнадежно большую сторону всѣхъ антиспиритуалистическихъ доктринъ, безсилныхъ до сихъ поръ дать этому факту хоть какое-нибудь удовлетворительное объясненіе на почвѣ материалистическихъ принциповъ, — Пухлеу рѣшился заняться серьезнымъ изученіемъ системы дарвинизма, надѣясь въ ней найти разрѣшеніе столь неудобнаго для материализма вопроса. Благодаря нѣсколькимъ годамъ усидчиваго труда, посвященнымъ этому изученію, Гексли удалось собрать рядъ фактовъ, которые, по его мнѣнію, дѣлаютъ гипотезу Дарвина очень вѣроятною и правдоподобною. Но, тѣмъ не менѣе, конечный результатъ его изысканій оказался крайне неутѣшительнымъ. Всѣ опыты, наблюденія и изслѣдованія материалистовъ—„все это прекрасно“, говоритъ Гексли. „Но, какъ только отъ насъ потребуютъ, чтобы мы опровергнули предъявляемое намъ возраженіе о физической невозможности измѣненія и метаморфозы животныхъ видовъ, — то все зданіе нашей системы рухнетъ въ прахъ. Что касается меня, то я принимаю истинность гипотезы Дарвина, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, что мнѣ дадутъ доказательство возможности происхожденія новыхъ видовъ, путемъ скрещиванія другихъ, уже существующихъ“.

Французскій дарвинистъ, Эмиль Феррье, обнародовалъ свой извѣстный трудъ о *дарвинизмѣ*, написанный съ цѣлью возможно широкой популяризаціи и пропаганды гипотезы англійскаго мыслителя о происхожденіи видовъ. Въ первыхъ трехъ отдѣлахъ своего труда, авторъ излагаетъ основы гипотезы Дарвина и при-

водитъ всѣ тѣ факты и соображенія, которые такъ или иначе говорятъ въ ея пользу; четвертый же отдѣлъ посвященъ анализу принципиальнаго возраженія противъ дарвинизма, указывающаго на неизмѣняемость видовъ и на невозможность перехода ихъ одинъ въ другой. „Возраженіе это, говоритъ Феррье, очень серьезно, и съ нимъ необходимо считаться. Чтобы доказать возможность происхожденія одного вида отъ другого мы можемъ идти двумя путями: путемъ непосредственнымъ и прямымъ, или окольнымъ и косвенной дорогой. Избравши прямой путь, мы, тѣмъ самымъ, обязали бы себя указать хотя одинъ фактъ, свидѣтельствующій, что отъ помѣси двухъ какихъ-либо различныхъ видовъ произошелъ новый типъ животнаго существованія. Но, къ несчастію, бесплодность ублюдковъ лишаетъ насъ возможности представить, въ подтвержденіе нашей гипотезы, такое прямое доказательство. Идя же путемъ косвеннымъ, мы необходимо должны были бы указать такой случай, опять-таки хотя бы одинъ, гдѣ между особями, происходящими отъ родоначальниковъ одного и того же вида, прерывалась бы физиологическая связь, выражающаяся въ способности такихъ особей къ оплодотворенію другъ друга. Но, въ этомъ отношеніи, мы имѣемъ признаніе самаго Дарвина, удостоверяющаго—и, притомъ, на основаніи массы опытовъ и наблюденій—что онъ не можетъ указать ни единого случая бесплодной случки особей одного и того же вида“. Переходя, затѣмъ, къ общимъ выводамъ изъ своихъ соображеній, Феррье высказываетъ сожалѣніе по поводу того, что всѣ доводы дарвинизма роковымъ образомъ сталкиваются съ непреложнымъ естественнымъ закономъ неизмѣняемости видовъ,—закономъ, безусловно опрокидывающимъ всякія гипотезы и предположенія объ эволюціонномъ развитіи царства жизни, и, въ заключеніе, желая утѣшить и поддержать своихъ единомышленниковъ, обращается къ нимъ съ такимъ совѣтомъ: „Будемъ надѣяться на будущее и, быть можетъ, на будущее очень отдаленное, которому еще предстоитъ положительное разрѣшеніе нашей проблемы. Если черезъ одно или два столѣтія будетъ найдено доказательство возможности скрещиванія видовъ или бесплодія особей, происходящихъ отъ одной и той же пары, то вопросъ будетъ окончательно разрѣшенъ“.

Итакъ, и здѣсь та же пѣсенка: „будемъ надѣяться на будущее!..“ Чтожъ? И мы, читатель, въ свою очередь, предоставимъ будущимъ потомкамъ челоѳеческаго рода найти, черезъ одно или два столѣтія, и установить факты и данныя, которыхъ такъ хотѣлось бы имѣть дарвинизму. Сами же ограничимся на этотъ разъ лишь однимъ замѣчаніемъ, противъ котораго едва ли могли бы хотѣ что-нибудь возразить даже самыя восторженныя поклонники Дарвина. Именно, не будучи въ состояніи указать ни единого факта въ подтвержденіе гипотезы объ эволюціонномъ происхожденіи видовъ, путемъ медленнаго развитія, дарвинисты, тѣмъ не менѣе, настойчиво предлагаютъ намъ принять ихъ доктрину, отсылая насъ за доказательствами правильности ихъ ученія—къ отдаленному будущему. Но оказывается, что и это будущее, на которое такъ надѣется дарвинизмъ, категорически отказывается подтвердить фантастическую систему англійскаго натуралиста. Феррье писалъ о своихъ розовыхъ надеждахъ на будущее въ 1872 году, а не дальше, какъ черезъ семь лѣтъ, въ 1879 году, другой дарвинистъ, Mantegazza, уже принужденъ былъ сознаться, что за послѣдніе года теорія Дарвина значительно пала—фактъ, который еще болѣе подтвердилъ Вирховъ, удостовѣрившій, въ 1882 году, что, въ свѣтъ данныхъ, добытыхъ геологическими изысканіями послѣдняго десятилѣтія, гипотеза о измѣняемости видовъ представляется совершенно несостоятельной и не могущей вовсе рассчитывать на признаніе со стороны науки.. Вотъ оно, то пресловутое будущее, на которое такъ надѣялся и къ которому отсылалъ насъ Феррье!

Литре, въ теченіе всей своей жизни исповѣдывавшій матеріалистическіе догматы, при анализѣ гипотезы Дарвина, не могъ скрыть того впечатлѣнія, какое произвело на него изученіе непреложнаго физическаго закона неизмѣяемости животныхъ видовъ. „Знаменательный фактъ, о который разбивается система постепеннаго происхожденія видовъ другъ отъ друга, состоитъ въ физиологической обособленности и устойчивости послѣднихъ, совершенно непримиримой съ теоріей метаморфозы типовъ животнаго существованія. До сихъ поръ намъ еще ни разу не удалось измѣнить типъ хотя бы одного какого-либо вида животныхъ. Искусственно полу-

ченныя нами разновидности, какъ бы сильно ни отличались онѣ одна отъ другой, тѣмъ не менѣе, постоянно сохраняютъ каждая свой видовой типъ, унаслѣдованный ими отъ ихъ родовачальниковъ, и, благодаря этому, никогда не удавалось получить собаку отъ волка, или наоборотъ. А до тѣхъ поръ, пока возможность преобразованія видовъ не будетъ доказана опытнымъ путемъ, до тѣхъ поръ гипотезѣ Дарвина не слѣдуетъ придавать большаго, нежели она заслуживаетъ, значенія“.

Соглашаясь принципиально съ Дарвиномъ и Геккелемъ въ томъ, что всѣ виды произошли всего лишь отъ одной примитивной протоплазмы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая и физическую невозможность постепеннаго метаморфоза видовъ, путемъ эволюціоннаго развитія, Hartmann, дабы обойти несносные факты, назойливо преслѣдующіе дарвинизмъ своею очевидностью, предлагаетъ новую, свою собственную гипотезу,—правда, очень оригинальную, но, зато, и невѣроятно странную, чтобы не сказать больше. „Прежде всего, говоритъ Hartmann, обращаясь къ своимъ единомышленникамъ, прежде всего, уяснимъ себѣ одно: что намъ нужно доказать, и что мы хотимъ доказать? Мы утверждаемъ, что всѣ существующія на землѣ животныя, въ томъ числѣ и человѣкъ, произошли отъ одного общаго родоначальника, отъ одной примитивной органической кѣлочкы,—произошли мало-по-малу, путемъ эволюціоннаго метаморфоза, постепеннаго видоизмѣненія. Въ этомъ состоятъ проповѣдуемый нами принципъ, и въ теоріи мы всѣ съ нимъ совершенно согласны. Но съ того момента, когда рѣчь заходитъ о томъ, чтобы дать мотивированное объясненіе этому грандіозному факту универсальнаго метаморфоза и кореннаго преобразованія животныхъ видовъ, — съ этого момента, роковымъ образомъ и неизбежно, обнаруживается слабая сторона нашего ученія, и вотъ тутъ то, для того, чтобы поддержать и защитить его, намъ необходимо принять какую-либо гипотезу, хотя бы и безъ всякихъ доказательствъ, лишь бы только она обладала извѣстною степенью вѣроятности, правдоподобія и не сталкивалась бы съ очевидностью физически-невозможнаго. Теперь обратимся къ гипотезѣ Дарвина. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ направленіемъ,

которое указалъ научному мышленію англійскій натуралистъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, принужденъ признать, что его гипотеза стоитъ въ очевидномъ противорѣчій съ фактами и съ законами природы. Допуская метаморфозъ и нечувствительное, постепенное видоизмѣненіе животнаго типа, мы, тѣмъ самымъ, возбуждаемъ противъ нашей теоріи въ высшей степени серьезное возраженіе, указывающее, съ одной стороны, на несуществованіе и неоявленіе въ настоящее время посредствующихъ, переходныхъ видовъ, этихъ необходимыхъ звеньевъ въ цѣпи животной эволюціи, а, съ другой, — и это еще важнѣе, — на физическую невозможность какъ преобразованія одного вида въ другой, такъ и скрещиванія животныхъ видовъ. Въ виду того, что это возраженіе вполне подтверждается проявленіями естественнаго закона, не допускающаго ни скрещиванія видовъ, ни прекращенія способности взаимнаго оплодотворенія въ особяхъ, происходящихъ отъ одной и той же пары родоначальниковъ, — то намъ, дарвинистамъ, не остается ничего болѣе, какъ только принять вмѣсто прежней, другую, новую гипотезу, въ подкрѣпленіе которой, правда, мы тоже не можемъ представить никакихъ доказательствъ, но которая, однако, кажется, по крайней мѣрѣ, правдоподобною и избавляетъ насъ отъ необходимости считаться съ фактами и физическими законами. Для этой цѣли, намъ достаточно признать хотя бы принципъ гетерогоніи, т. е. гипотезу, по которой отъ особи даннаго вида, въ силу какихъ-либо случайныхъ и аномальныхъ обстоятельствъ, родился уродъ, сдѣлавшійся впоследствии родоначальникомъ новаго животнаго вида, такъ что, такимъ образомъ, у пресмыкающагося могъ родиться уродъ-птица, а обезьяна могла родить человѣкообразнаго урода, отъ котораго и произошелъ особый, новый типъ животнаго существованія — люди. Другими словами: на основаніи этой гипотезы, различные виды животныхъ существъ составляютъ случайныя уродливыя отклоненія отъ примитивнаго типа протоплазмы, возникшей первоначально въ образѣ червя или животнорастенія, — отклоненія, которыя, передаваясь потомкамъ такихъ уродовъ, упростились, образовавши такимъ образомъ все существующее животное царство“. Прекрасно! Но почему же природа не продолжаетъ и

теперь создавать тѣмъ же путемъ новые виды? Вѣдь, и въ настоящее время уродовъ рождается не мало. Почему же они, какъ и уроды предшествующихъ столѣтій, либо умираютъ вскорѣ послѣ рожденія, будучи лишены достаточной жизнеспособности, либо, если и обладаютъ способностью дѣторожденія, то, все же, или вовсе не производятъ на свѣтъ такихъ же уродовъ, какъ они сами, или, въ исключительныхъ случаяхъ, сообщаютъ своимъ потомкамъ, по наслѣдству, присущія имъ аномаліи, но не даѣе, какъ лишь до перваго, много втораго поколѣнія, послѣ чего въ потомкахъ урода мало-по-малу снова восстанавливается нормальный видовой типъ, со всѣми своими характерными признаками? Къ сожалѣнію, Hartmann совершенно не задумывался надъ этими вопросами. Да они, очевидно, и не могли особенно занимать его, разъ онъ самъ сознается, что его гипотеза не имѣетъ никакой реальной основы, и что онъ хотѣлъ лишь замѣнить своимъ предположеніемъ другую гипотезу, которая, по его собственному убѣжденію, представляется вполне несостоятельною. Уродливая гипотеза Hartmann'a, — уродливая не менѣе его пресловутыхъ уродовъ — была встрѣчена со стороны ученыхъ, какъ и слѣдовало ожидать, дружнымъ смѣхомъ. Большаго она, конечно, и не заслуживаетъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, гипотеза эта не лишена въ извѣстной степени интереса, хотя и отрицательнаго, именно въ томъ смыслѣ, что наивная выходка германскаго философа дала новое краснорѣчивое доказательство несостоятельности и бесплодности всякихъ попытокъ опровергнуть религіозное ученіе о творчествѣ и замѣнить его какою-либо новою доктриной въ материалистическомъ жанрѣ.

Резюмируя изложенныя выше соображенія, закончимъ настоящую главу словами знаменитаго фізіолога д-ра James'a: „Система, предлагаемая дарвинистами взамѣнъ вѣрованій человечества о сотвореніи міра, вся построена на неизвѣстномъ; ея доказательства голословны, а вытекающіе изъ нея, логически необходимые выводы сводятся къ страннымъ и физически невозможнымъ допущеніямъ“.

(Продолженіе будетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки